

дывать картинки и довольно хорошо знал, например, архитектуру Киевской Руси, которую сейчас напрочь забыл. Ни одного собора сейчас не узнаю, а тогда запросто: этот — в Чернигове, этот — ещё где-то... Отец у меня преподавал XIX век, но очень интересовался древностью. Это, пожалуй, был второй толчок к гуманитарным сферам. Я довольно рано прочитал всю русскую классику. Всю. Отец подсовывал мне даже поэзию XIX века, так называемых второстепенных поэтов, которых даже на филфаке не изучают.

Школа... Школа — седьмая! На моих глазах она превратилась: а) в английскую; б) в математическую. Жили мы на Луначарского, в квартале от школы. Рядом была усадьба частного врача Назаренко, это был едва ли не единственный в Перми практикующий частный врач. Такой пермский профессор Преображенский! Одно из самых любимых развлечений детства — через забор разглядывать это буржуазное имение, где был ЗиМ, цепные собаки...

Так вот, седьмая школа. Она тогда ещё не сложилась как гуманитарная или математическая, она была в поиске. Очень важное влияние на меня оказали два моих педагога. Тамара Абрамовна Рубинштейн, которая преподавала у нас русский язык и литературу и очень сильно поддержала мою неоформившуюся любовь к поэзии. Она драла с нас три шкуры и заставляла учить «Онегина» наизусть — и я

МОЕЙ НАСТОЛЬНОЙ КНИГОЙ БЫЛА «ИСТОРИЯ РУССКОГО ИСКУССТВА» ГРАБАРЯ, ЕЩЁ ДОВОЕННОЕ ИЗДАНИЕ

выучил, но она умела и увлечь литературой, и потом, где бы я ни учился, мне уже не нужно было перечитывать произведения из школьной программы, я их отлично знал. Второй человек, а скорее, первый по значимости — это Ольга Сергеевна Скворцова, наш классный руководитель. Она преподавала английский язык. Именно она подтолкнула нас к первому собственному творчеству...

В девятом классе у нас ввели новые предметы, в том числе программирование, пришли новые ребята, в том числе

АТМОСФЕРА ЛИЦЕДЕЙСТВА, ПРЕОБРАЖЕНИЯ РЕАЛЬНОСТИ, ЭТОТ МОЩНЫЙ КОНТРАСТ С ТЕМ, ЧТО ОКРУЖАЛО МЕНЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ...

дочь первого секретаря обкома Ира Галаншина, сын председателя горисполкома Вова Галкин — такая городская элита, но интеллектуальное ядро составляли те люди, которые учились с нами с первого класса. Ольга Сергеевна посмотрела на нас и сказала: «Ребята, а давайте какой-нибудь театр создадим» — и подсунила нам какие-то тексты на английском языке, то есть выступила в качестве завлита и продюсера.

пародия на шпионскую драму, главный герой — полковник Неусыпных, а главный злодей и шпион — Шпедель Фукс... Мы с моими друзьями Славой Тонконогом, Борей Саймановым, Фимой Лейзеровым и Сергеем Морозовым сами играли все роли. А оператором был Вадик Калашников.

Тут же начался КВН, мы начали рисовать комиксы, стенгазеты... Чтобы научиться плавать, надо плавать. Мы раньше не чувствовали в себе каких-то особых творческих склонностей, но стоило этим заняться — они проявились. Мы стали победителями конкурса КВН — сначала районного, потом городского, на базе команды сформировались какие-то авторские группы. Учились мы через пень-колоду. Как я умудрился ещё серебряную медаль получить в школе?

О змиях и яблоках

После школы надо было выбирать. Мы уже тогда знали стихи очень уважаемого мною Бориса Слуцкого: «Что-то физики в почёте, что-то лирики в загоне. Дело не в сухом расчёте, дело в мировом законе...» Отец мой был человек разумный и не подталкивал меня ни к чему,

Этот импульс оказался очень действенным, мы завелись с пол-оборота. Первый наш спектакль назывался «Песни Киплинга». На английском языке. Это был фурор городского масштаба! 1965 год, какие песни Киплинга?! Потом мы сделали спектакль по стихам поэтов, павших в годы войны, — мы практически скопировали спектакль «Таганки», не видя его, потом возникло что-то ещё. В общем, пошло-поехало, мы увлеклись.

Тогда же мы сняли первый фильм. На 16-миллиметровой киноплёнке. Он, кстати сказать, был игровой. Это была